

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 30-й № 6 (3972)

Вторник, 13 января 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Героическое восхождение

В ПОРУ, когда Советская страна только начинала свое восхождение к высотам культуры...

ПЕРВЫЙ ГОД семилетки советская Отчизна открыла создание искусственной планеты солнечной системы...

К сожалению, есть еще случаи некоей инертности у отдельных представителей городской и сельской интеллигенции...

Шли годы. Минувала сорок первая годовщина, страна вступила в новый, 1959 год — первый год семилетки...

Полно и всесторонне раскрывается в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС...

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ движение, родившееся в депо Москва-Сортировочная, ко многому обязывает каждого работника интеллектуального труда...

«Для перехода к коммунизму», читаем мы в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева, необходима не только мощная материально-техническая база...

В свете этого особенно возрастает роль нашей художественной интеллигенции, призванной своими произведениями...

Грандиозность свершения становится особенно зримой, когда представляешь, что наш современник, достигший пятидесяти лет...

Эти слова подкреплены конкретной программой предстоящих великих дел, программой, основанной на точном расчете...

Обсуждаем проблемы семилетки

РАЗВЕ не потрясающий взлет! Но это отнюдь не чудо, как пытаются изобразить наши достижения в науке и культуре...

ПОБЕДНОЕ движение нашей страны к коммунизму превращает в реальность мечту поэта о том, чтобы на стезях партии и стихах, о литературе говорилось так же, как и о выплавке стали...

В тезисах доклада Н. С. Хрущева о развитии народного хозяйства в предстоящей семилетке наряду с чугуном и выплавкой стали речь идет и о труде литератора...

Можно было твердить о чуде, когда мир ловил сигналы первого советского спутника. Можно было кое-кого уверить, что успех того или иного советского музыканта...

Книгопечатание, радио, телевидение еще шире проникнут в быт советского человека. Число киноустановок к концу 1965 года возрастет настолько, что ими будет обеспечен каждый совхоз и колхоз...

В 1965 году тираж книг увеличится до 1 миллиарда 600 миллионов экземпляров, журналов — более чем в два раза, годовой тираж газет — более чем в полтора раза...

ГРАНДИОЗНАЯ программа культурных преобразований, содержащаяся в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева, ставит особо ответственные задачи перед деятелями литературы, кино, театра, музыки, скульптуры и живописи...

Многолетний опыт говорит о том, что при творческом претворении самых грандиозных наших планов в жизнь всегда открывались новые возможности, находились неиспользованные резервы...

Награжденные писатели Казахстана

ЗА ВЫДАЮЩИЕСЯ заслуги в развитии казахского искусства и литературы в связи с денацией казахского искусства и литературы в Москве Указом Президиума Верховного Совета СССР...

Примером действительного отклика на это может служить прекрасная инициатива интеллигенции Новосибирска. Артисты, музыканты, ученые, писатели, художники сибирского города создали для бригад коммунистического труда университет культуры...

Мне думается, что этот опыт следует повторить и ныне, но только в более широком масштабе.

Артисты МХАТа во Владивостоке

С ЕГОДИН Владивосток встречал дорогих гостей — артистов МХАТа имени Горького, вернувшихся после гастролей в Японии...

Характерно, что одновременно такая же форма помощи интеллигенции учащимся бригад коммунистического труда в эстетическом воспитании молодежи возникла и на Украине. В городах этой республики также открылись университеты музыкальной культуры...

Нужно, в частности, выяснить, почему мы теряем сотни и сотни тонн уже готовой бумаги. Это происходит, например, тогда, когда ее перевозят за тысячи километров от фабрик к типографиям...

От имени коллектива театра с сердечными словами приветия и благодарности и встречавшим обратился заслуженный деятель искусств РСФСР И. Раевский.

В далеком прошлом практика складывалась так, что бумажная фабрика принадлежала одному хозяину, а типография — другому. Теперь у нас в стране единый хозяин. Но старые привычки все еще не позволяют в полной мере использовать в данном случае все великие преимущества новой социальной системы.

Спектаклем «На дне» МХАТ начал гастроли во Владивостоке. Артисты побывали на предпринятых Приморья и у колхозников. Затем гастроли будут перенесены в Хабаровск. Свои выступления на Дальнем Востоке коллектив прославившегося театра посвящает XXI съезду КПСС.

Возможно, что это предложение покажется дискуссионным, но есть и другие, беспорядочные: вот у нас остро не хватает меловой бумаги, необходимой для иллюстрированных многокрасочных изданий...

Возможно, что это предложение покажется дискуссионным, но есть и другие, беспорядочные: вот у нас остро не хватает меловой бумаги, необходимой для иллюстрированных многокрасочных изданий...

15 января начинается Всесоюзная перепись населения

В ГОРАХ АЗЕРБАЙДЖАНА

В ТРУДНОДОСТУПНЫХ горных районах Азербайджана появились люди с голубыми нагрудными знаками — началась Всесоюзная перепись населения...

15 января около 600 тысяч счетчиков и инструкторов-контролеров начнут Всесоюзную перепись населения в городах и селах Советского Союза.

МЫ СВЯЗАЛИСЬ по телефону с инструктором Али Гаджиевым, проводившим перепись в дальнем селении Дагстафюр в горах Дашкесана.

От Джунгарских Ворот до Тургай Д АЛЕКО-далеко, у самой китайско-советской границы, лежат высокие, неприступные горы. На юго-востоке Казахстана их прорезывает узкая глубокая впадина — Джунгарские Ворота...

Перепись мы начали по старшинству — с семьи 125-летнего колхозника Бинянта Мамедова.

Фото А. ГЛИЧЕВА

БУМАГА, ТИПОГРАФИЯ, КНИГА

Геннадий ФИШ

Московскому городскому совнархозу, хотя известно, что Госплан СССР хотел бы создать институт в свое ведомство.

В 1965 ГОДУ выйдет в свет один миллиард шестьсот миллионов экземпляров книг: примерно по восемь новых книг на душу населения.

Мы справедливо недовольны тем, что рукописи в типографиях превращаются в книгу очень медленно. На это требуется от трех до пяти месяцев.

Не так уж давно тираж книги в 3 000 экземпляров считался неплохим, а в десять тысяч — даже очень хорошим.

Наша книготорговая организация привлекла работать в условиях книжного голода, когда книги расхватавались, исчезала с прилавка в один или несколько дней.

Просто происходит то же самое, что было бы, к примеру, если бы, скажем, в булочных продажная цена на пирожки и на хлеб назначалась не по себестоимости, а только по весу, и притом одинаково.

Десятичасовые тиражи не приносили убытка и у нас. Что же произошло? Почему любое издательство считает для себя убыточным, если книга выходит в тридцать тысяч экземпляров?

Каждый лист, к примеру, оценивается одинаково, не считается за тиражом, каким книга выпустается, вне зависимости от гонорара, полученного автором, или, скажем, от качества бумаги.

Мне думается, что это предложение покажется дискуссионным, но есть и другие, беспорядочные: вот у нас остро не хватает меловой бумаги...

Возможно, что это предложение покажется дискуссионным, но есть и другие, беспорядочные: вот у нас остро не хватает меловой бумаги, необходимой для иллюстрированных многокрасочных изданий...

Кроме всего прочего, нужно, чтобы целый ряд книг постоянно был на прилавке. И не только в месяц выхода однотомника Пушкина или Гоголя...

Надо бы составить список обязательного книжного ассортимента вроде того, какой вывешен в каждом сельпо — на соль, спички и другие предметы первой необходимости.

З А ВРЕМЯ пятилеток у нас построено несколько первоклассных полиграфических комбинатов, но все же в целом наша полиграфия отстает от передовых отраслей промышленности и остается «узким местом».

В ближайшем будущем члены комитета рассмотрят спектакли, кинофильмы, работы скульпторов, прослушают музыкальные произведения, представленные для рассмотрения.

В конце января комитет опубликует в печати список работ, оставленных им для дальнейшего обсуждения.

В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР

12 января открылся пленум Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства 1959 года.

Вот другая «мелочь». Запасных частей в действующем в полиграфии машине изготовляется мало. Средние и мелкие типографии совсем не производят планово-предупредительного ремонта.

МОЖЕТ БЫТЬ, многим читателям покажется, все это звучит как выкладки. Но, правда, я убежден, что если они будут приняты во внимание, то читатели смогут получить намного больше самых разнообразных, интересных книг.

МОЖЕТ БЫТЬ, многим читателям покажется, все это звучит как выкладки. Но, правда, я убежден, что если они будут приняты во внимание, то читатели смогут получить намного больше самых разнообразных, интересных книг.

МОЖЕТ БЫТЬ, многим читателям покажется, все это звучит как выкладки. Но, правда, я убежден, что если они будут приняты во внимание, то читатели смогут получить намного больше самых разнообразных, интересных книг.

МОЖЕТ БЫТЬ, многим читателям покажется, все это звучит как выкладки. Но, правда, я убежден, что если они будут приняты во внимание, то читатели смогут получить намного больше самых разнообразных, интересных книг.

МОЖЕТ БЫТЬ, многим читателям покажется, все это звучит как выкладки. Но, правда, я убежден, что если они будут приняты во внимание, то читатели смогут получить намного больше самых разнообразных, интересных книг.

Песни Поля Робсона

КАК УЖЕ сообщалось в «Литературной газете», в Москве состоится известный певец и выдающийся общественный деятель П. Робсон. Жители и гости столицы с огромным интересом принимают творчество прославленного артиста. Каждое его выступление проходит при неизменно переполненном зале, встречает шумное одобрение аудитории.

Значительным событием явился большой сольный концерт, состоявшийся 5 января в филеале Большого театра; он привлек многочисленных любителей вокального искусства.

Робсон, с исключительной теплотой встреченный собравшимися, проникновенно пел в этот вечер негритянские, американские, английские, чешские произведения, оду «К радости» Бетховена. Преобладающим было исполнено русская песня «Эй, ухмыль». С большим чувством артист спел «Песню о Родине» И. Дунаевского на слова В. Лебедева-Кумача.

Седьмого января молодежь, собравшаяся на свой бал в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, горячо аплодировала Полю Робсону, принимавшему участие в концерте. На следующий день артист побывал у слушателей и преподавателей Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского.

Сердечно приняли замечательного певца столичные автомобилисты, собравшиеся 9 января во Дворце культуры автозавода имени Лихачева. Поднявшемуся на сцену артисту была устроена бурная овация, ему преподнесли цветы. Взысканной этой встречей, артист заявил:

— Я рад быть с вами опять, в вашем доме. Веселой негритянской песней, посвященной детям, начал здесь П. Робсон свое выступление. Он пел и другие негритянские песни, а также русские, французские, чешские. Когда в заключение была объявлена «Песня о Родине», все присутствующие подхватили слова «Широкая страна моя родная...» и вместе с Робсоном спели ее.

Тепло приветствовали артиста сотрудники Института востоковедения Академии наук СССР, где он на днях выступил и учащиеся школ трудовых резервов — в их клубе П. Робсон пел 10 января.

Партию роля в концертах Поля Робсона с успехом исполняет концертмейстер Московской государственной филармонии Николай Миронов.

На снимке: П. Робсон. Фото А. ЛАПИНА

От Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР

Сегодня мы печатаем список кандидатов на соискание Ленинских премий в области литературы и искусства, опубликованный Комитетом по Ленинским премиям в области литературы и искусства.

Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства сообщает, что на соискание Ленинских премий 1959 года поступили следующие кандидатуры:

1. Андреев Александр (Василий Дмитриевич) «ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ», повесть. Представлена редколлегией журнала «Октябрь», Главным управлением трудовых резервов при Совете Министров СССР, редакцией художественной литературы «Трудрезервиздата».
2. Ауэзов М. О. «ПУТЬ АБАЯ», роман. Представлена Союзом писателей Казахстана, Институтом языка и литературы Академии наук Казахстана ССР, кафедрой казахской литературы Казахского Государственного университета имени С. М. Кирова, редколлегией журнала «Знамя».
3. Ахтанов Тахами «ГРОЗНЫЕ ДНИ», роман. Представлена Союзом писателей Казахстана.
4. Бровна П. У. «КОГДА СЛИВАЮТСЯ РЕКИ», роман. Представлена Союзом писателей Белоруссии.
5. Василевская В. Л. «В БОРЬБЕ РОКОВОЙ», повесть. Представлена Союзом писателей Украины.
6. Винулов С. В. «ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ», поэма. Представлена редколлегией журнала «Октябрь».
7. Винниченко И. Ф. «ЖИЗНЬ НЕ ЖДЕТ», очерки. Представлена редколлегией журнала «Октябрь».
8. Гранин Д. А. «ПОСЛЕ СВАДЬБЫ», роман. Представлена редколлегией журнала «Октябрь».
9. Довненко А. П. «ЗАЧАРОВАННАЯ ДЕСНА», повесть. Представлена Союзом писателей Украины.
10. Ибрагимов М. А. «СЛЯННИЕ ВОДЫ», роман. Представлена Союзом писателей Азербайджана.
11. Карпов В. Б. «ЗА ГОДОМ ГОД», роман. Представлена Союзом писателей Белоруссии.
12. Коптеева А. Д. «ДЕРЗАНИЕ», роман. Представлена редколлегией журнала «Октябрь», библиотечным фондом Московского городского комитета профсоюза мелкопечных работников, библиотек № 27 Бауманского района, Тушинской городской библиотекой.
13. Ночетов В. А. «БРАТЯ ЕРШОВЫ», роман. Представлена редколлегией журнала «Нева», редакцией «Роман-газеты».
14. Луговская В. А. «СЕРЕДИНА ВЕКА», поэмы; «СИНЯЯ ВЕСНА», «СОЛНЦЕВОРОТ», стихи. Представлена издательством «Советский писатель», редколлегией журнала «Москва», редколлегией журнала «Звезда», литературным объединением работников Московского автозавода имени И. А. Лихачева, литературным объединением Центрального дома культуры железнодорожников «Магистраль», группой работников уральского завода.
15. Мирчулава Алю (Машавили) «СТИХИ И ПОЭМЫ», сборник. Представлена государственным издательством Грузии «Сабхота Сакартвело».
16. Мунанов С. М. «ШРОЛА ЖИЗНИ», роман. Представлена Союзом писателей Казахстана.
17. Мулдагалев Джунан «ПЕСНЯ НЕ УМИРАЕТ», поэма. Представлена Союзом писателей Казахстана.
18. Николаева Г. Е. «БИТВА В ПУТИ», роман. Представлена издательством «Советский писатель», редколлегией журнала «Октябрь», Московским Художественным Академическим театром СССР имени М. Горького, Московским драматическим театром имени Моссовета.
19. Панферов Ф. И. «РАЗДУМЬЕ», роман. Представлена редколлегией журнала «Знамя», редакцией «Роман-газеты».
20. Панченко П. Е. «СТИХОТВОРЕНИЯ», сборник. Представлена Союзом писателей Белоруссии.
21. Пагодин Н. Ф. Трилогия о В. И. Ленине: «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ», «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ», «ТРЕТЬЯ ПАТЕТИЧЕСКАЯ».
22. Представлена Московским Художественным Академическим театром СССР имени М. Горького.
23. Полевой Б. Н. «ЛУБОВИКИ ТЫ», роман. Представлена редколлегией журнала «Знамя».
24. Рытхуу Ю. С. «ВРЕМЯ ТАИНИЯ СНЕГОВ», повесть. Представлена редколлегией журнала «Октябрь».
25. Савых Н. Ф. «ОТЧУИ КРАЙ», роман. Представлена редакцией «Роман-газеты».
26. Стельмах М. А. «КРОВЬ ЮДСКАЯ — НЕ ВОДИЦА», роман. Представлена Союзом писателей Украины, редколлегией журнала «Жупель», Уманским сельскохозяйственным институтом, группой бывших партизан Тальянского отряда Черкаской области.
27. Федоров В. Д. «БЕЛАЯ РОЩА», поэмы. Представлена редколлегией журнала «Октябрь».

ПРЕДСЕДОВАТЕЛЬ ТРИБУНА

Критик — друг писателя

А. ГУДАЙТИС-ГУЗЯВИЧЮС

СЕЙЧАС в кругах литературной общественности, в том числе в председательской писательской трибуне «Литературной газеты», большое внимание уделяется критике. Это и понятно. Путь литературного произведения к сердцу читателя, а думать, немалым без ориентира, без маяка. Этот маяк — критика.

«Мы понимаем заботу критика о литературе как доброжелательную, товарищескую требовательность», — писал Мехти Гусейн в статье «Счет писателя критике». Мне кажется, что ни против доброжелательности критика, ни против необходимого уважения к труду писателя никто возражать не станет. Возражения Мехти Гусейну, с которыми в статье «Будем строже к самим себе!» выступил Н. Ровенский, сводятся скорее к вопросу о «дозировке» этой доброжелательности и дружеской требовательности. Нельзя не согласиться с мнением А. Воинова, что «строгость критика без полновесной заботы о судьбе писателя и его произведения — лишь менторский окрик, который может причинить больше вреда, чем пользы».

Мы, писатели, не можем работать без критиков, но мы — за критиков доброжелательных и чутких. Помощь таким критикам трудно переоценить. Меня толкает на это утверждение мой личный писательский опыт.

Герои моих произведений родились в подполье, в фашистской неволе, за тюремной решеткой. В период 1932—1938 годов в лагерях тюрьмы буржуазной Литвы среди политзаключенных коммунистов существовали группы начинающих литераторов. Несмотря на запреты и суровые репрессии, заключенные издавали рукописные журналы, опубликованные в них произведения обсуждали коллективно. Эти обсуждения, эта дружеская критика была для меня главным ориентиром, когда я задавался вопросом: народно, революционно ли, а зачастую и художественно ли произведение? Мы привыкли к тому, что критика должна быть нацелена на помощь, на поддержку; объективный, доброжелательный разбор давал возможность быстрее разбираться в ошибках и находить правильный путь к сердцу читателей. Вот почему ни у кого из наших начинающих авторов не наблюдалось «критикобоязни»: критик был прежде всего другом.

Как и большинству начинающих литераторов — моих товарищей по заключению, — мне не удалось сохранить в тюремных тайниках свою первую рукопись: за время шестилетнего заключения она дважды уничтожалась, попав в руки тюремщиков, и я начинал все сначала. Но годы, проведенные в этом литературном «упорствовании», дали свой результат: после войны, в 1946 году, в третий раз возникшая «Правда кузнеца Игнатаса» была опубликована в «Князьской газете».

Надо сказать, что, работая над романом, я сначала не ставил перед собой большой цели. Описав некоторые эпизоды революционной борьбы 1918—1919 годов в литовской деревне, я подумал, что уже выполнил свою задачу. Но не тут-то было. Критический товарищеский разбор напечатанного мною сразу показал, что работа далеко не закончена: мне правильно указали, что картину жизни и борьбы села надо было бы дополнить изображением революционной борьбы в городе, ввести в роман рабочих, обрисовать подпольщиков, руководителей рабочего движения, руководителей Коммунистической партии. Критика, видимо, усмотрев в напечатанном произведении нечто более крупное, стала толкать автора на написание широкой картины общенародной революционной борьбы.

Пришлось мне задуматься и над проблемами художественной формы. Публикуя главы романа в газете, я работал в страшной спешке, не придавая особого значения шрифтовой расстановке и чистоте языка; он оказывался засоренным провинциальными и диалектными — под колотит северо-восточного края Литвы.

Одним из первых на это обратил внимание крупнейший мастер литовской прозы — Янтрас Цвирка. Он дал мне добрый совет: «не стенографировать всю лексику» отдаленных районов, «отвечать язык от мякини диалектизма», чтобы он «звучал, как струна».

всплунуть (подсократив) в качестве вспомогательного героя?..»

Собственно говоря, с переработки этого пролога и началась у меня вся «реконструкция» произведения... «Реконструкция» эта продолжалась много лет, в течение которых я прочел не одну критическую статью о моих романах. Не всегда критика меня убеждала, но всегда была справедлива, во всегда и по-настоящему требовательна, но теперь, оглядываясь назад, я должен сказать, что в целом критика сослужила мне неоценимую службу.

Может быть, и не стоило бы предавать гласности мой личный опыт, но кажется мне, что эти споры вокруг жанра романов «Правда кузнеца Игнатаса» и «Братья» ведут к более широкому спорам — о нашей современной эпопее, о некоторых ее типичных недостатках.

Первоначально мою диалогичную причисляю к историко-литературным очеркам, потом — к романам-хроникам, и наконец она попала в категорию эпопей. С автором ее произошло нечто вроде того, что было с героем арабской сказки, который выпустил из бутылки джина. Об эпопее-то я и не задумывался! Принимаясь за очередную книгу «Братья», я намеревался на ней и закончить повествование, но возникли новые замыслы. Мне предстоит еще кропотливая работа — окончательная переделка текста в рамках диалога как некоего целого. Естественно, что в такой момент я особенно интересуюсь мнением критиков...

Вот некоторые из них. Критик Подие выступил против излишней «документализации»: «Очевидно, автор не был убежден, что читатель поверит тому, что описывается в книге. Он взялся еще и за исторические сведения убеждения читателей. Это, несомненно, пошло во вред произведению».

Но критик Галинис оправдывал «метод документализации».

Критик Райдйтис, тем не менее, предлагал, невзирая ни на что, дать «историческую картину» еще точнее, еще полнее.

Критик Писаде, касаясь этого вопроса, заявлял: «...До чего времени еще нет истории литовского народа, нет серьезных, исчерпывающих научных исследований в области революционных событий 1917—1919 гг. в Литве. В силу этих причин еще более ясно... значение авторского разказа...»

И, наконец, критик Лисенкайте признала закономерным, что автор обращается к читателям «и с острой публицистической фразой, и с историческим документом, и с политическим комментарием». От этого «прошлое становится ближе, дороже».

Вдумываясь в различные доброжелательные суждения критиков, я постепенно пришел к выводу, что правы были те, кто советовал идти по пути сокращения информационного материала, по линии упрощения психологического рисунка, по линии прочной увязки основных действующих лиц с второстепенными, чтобы действие не распалось в памяти читателя. (Из критических разборов подобного направления последней по времени была опубликованная в «Литературной газете» статья В. Ревича.) Я почувствовал, что при переработке произведения к следующему изданию мне необходимо преодолеть слишком сильное увлечение массовыми сценами, многочисленными, иногда даже и не перескажешь сюжетными линиями, отчего произведение не выигрывает, а всего лишь разбухает, утратить психологически не раскрытые трехстепенные фигуры, не ставить характерами...

В самом деле, я разделил судьбу многих авторов, не уяснивших себе до конца законов жанра эпопей. Четкого определения эпопей пока еще нет, и писатели часто верят тем критикам, которые особенно этого повествовательного жанра видят только в подчеркнутом интересе автора к историческим событиям, в обилии массовых сцен, в безграничной многогранности и многосложности. Но если критика плохо исследует, каким образом связан этот огромный исторический материал и как следует его связывать воедино, может ли критика помочь писателю бороться с неразрывным единством изображения судеб своих героев и судеб всего народа? Не укажет ли критика, отчего жанр эпопей, но бесформенный, не подчиняющийся строгим композиционным правилам?..

Слушать критиков надо. Но ведь писатель — тоже сам себе голова. В чем-то он может соглашаться, в чем-то — нет. Главный судья — читатель.

А как смотрит на такой «жанр» читатель? Просто и сурово: в лучшем случае прыгает через «главы с изъясном» или же... откладывает книгу до более свободного времени. Много различных требований предъявляется к «монументальному подлогу», но бесспорно одно: нужно, чтобы книга читалась, чтобы читатель не мог легко отложить ее в сторону, а отложить, захотел бы опять к ней вернуться, чтобы «добрать» в повторном чтении то, что ускользнуло от внимания при первом знакомстве.

Автору бывает трудно взглянуть на свой труд «другими глазами», пока он сам еще не оторвался от первоначальных своих представлений об отдельных частях и героях книги: нужно время, чтобы все это увидеть по-новому. Здесь и должна прийти к нему на помощь чуждая к законам жанров, к законам художественности критика.

Не всегда, повторяю, мой критика бывала права, но всегда были они последовательны в своих оценках, не всегда убеждали. Мнения сталкивались, отскакивали, западали в сознание. Я благодарен всем критикам (пусть некоторые, на мой взгляд, и ошибались), которые внимательно и чутко разбирали мой труд. В конечном счете все — на пользу.

Качество, которое, по-моему, является ценнейшим в критике, — доброжелательность, заинтересованность. Но оно не единственное: нужна требовательность, а для этого нужно, чтобы критика понимала искусство, была объективна, справедлива. Вот такой критик — друг писателя.

ВИЛЬНИУС

ТОРЖЕСТВО ДЕЛА НАРОДНОГО

И. КОЗЛОВ

ТРОГАТЕЛЬНОЙ была для меня встреча с героями эпопей Константина Седых «Отчий край» в новом романе писателя «Отчий край».

События «Даурия» заканчивались в 1920 году твердой верой в то, что дело миллионов одержит полную победу.

...И опять перед нами Роман Ульябин, Семен Забережный, Василий Андреевич, Елисей Каргин — их сложные, многотрудные судьбы, а также судьбы новых героев: брата Романа — казачьего подростка Ганьки, учительницы Людмилы Ивановны, советского работника Димова и многих других.

В «Отчем крае» писатель сохраняет свою прежнюю манеру изображения действительности во всей ее противоречивой сложности, драматической напряженности.

Хронологические события, легкие в основу нового романа, являются не прямым продолжением событий, показанных в «Даурии». От 1920 года автор возвращается назад, к году 1919-му, заключив затем повествование описанию полного разгрома белогвардейских и интервентских войск и прочного установления Советской власти в Забайкалье в 1922 году.

Действительность тех лет, эпический размах борьбы, напряженность битвы народной, ее политический накал, устремление масс, сложность поисков правильного пути, трудность обретения счастья — все это показано в романе посредством изображения большой и многообразной галереи героев.

Наиболее ценным в романе следует признать образ Семена Забережного. Трудной казак, много изведавший горя, он сердцем почувствовал в Советской власти свою родную власть и встал за нее горой.

Жить для счастья народа — это девиз и Ганьки Ульябина, только выходящего на арену общественной деятельности и борьбы. Как видно, К. Седых стремился сделать Ганьку главным действующим лицом романа. Об этом говорят не только начальные и заключительные абзацы произведения, посвященные младшему из династии Ульябиных, которая в «Даурии» стала как бы морально-политическим фокусом показа судьбы забайкальского казачества, но и желание писателя приобщить Ганьку к подлинно большой жизни.

В характере Ганьки много боевого задора, свойственного юности, романтики безудержной мечты, желания отыскать без остатка революционный путь.

Но тяжелая молодость ребят из народа. Тяжелой была она и у Ганьки. Банды Семенова поручили дом его родителей, старуха-мать ушла к чужим людям, сам Ганька бежал к партизанам. И тут под

руководством бывалых казаков формируется и крепнет характер Ганьки. Из него вырастает непохожий комсомольский вожак сельской молодежи.

И все же образ Ганьки не занял в романе того места, которое ему отводилось в общем замысле. В заключительных главах образ этот оказался сниженным.

В качестве делегата от казаков Мунгаловского поселка молодой Ульябин едет в Читу на съезд кооперации. Уже в самом факте поездки на такой съезд человека без достаточного жизненного опыта, глубокого знания дум и чаяний казачьей бедноты есть что-то нарочитое, лишнее опоры на жизненную правду. Но это еще полбеды. Пребывание Ганьки в Чите — революционной столице края — писатель не сумел использовать в полную силу для показа дальнейшего формирования взглядов юности на жизнь, дальнейшего идейного роста героя. Главное внимание К. Седых сосредоточил на показе того, как паренек из медвежьего заолустья реагирует на «чужда» городской жизни: возмозабывая колхоза, паровое отопление, кафельный пол и т. п.

ГАЛЕРЕЯ положительных образов в «Отчем крае», как было сказано, многочисленна и разнообразна. Хочется подчеркнуть именно разнообразие индивидуальности, которое писатель умеет выразить посредством самобытного языка персонажа, портретной характеристики, особенности натур и т. п. Кум Кумич — это эпизодическая фигура, но сколько своеобразного в этом пожилом, незлобивом казаке, у которого по всем даурским станицам — родственники: кумовья, сватья, племянники и племянницы, троюродные и пр., и пр. У Кум Кумича подлинное переживает выдумкой, быть — небыло. Не ложью, нет, а именно выдумкой, ибо из нее он не извлекает никакой пользы, за ней нет никакой корысти. Так ему нравится — быть всем родней. По сути, это черта национальная, черта приветливого, открытого души русского человека.

Нельзя вместе с тем не признать, что в этой многообразной галерее действующих лиц не выделяется Роман Ульябин — главный герой «Даурии», характер которого не получил в «Отчем крае» большого художественного развития. В нем больше умозрительности, нежели живой человеческой плоти и крови. Об этом нельзя не сожалеть, так как с его образом связана чрезвычайно важная линия всего произведения — становление Красной Армии, превращение разрозненных партизанских отрядов в регулярную боевую силу под полным военным командованием и политическим руководством.

Многообразие и сложность жизни в ре-

волюционной борьбе К. Седых передает и посредством изображения лагерь, противостоящего трудовому народу. Лагерь этот не однороден. В нем и сознательные враги Советской власти, и люди, слепо пошедшие за контрреволюционным генералом Семеновым. Прародитель Игоякин на край России принес в узелке шепотку «самарской земли», а если «родную землю... с собой посит, стало быть, не совсем скотина», говорит о нем один из партизан.

Среди персонажей тяжелой и трудной судьбы, мучившихся в поисках верной дороги, прекрасно написан Елисей Каргин. Социально Каргин принадлежит к той части середняцкого казачества, которая своим должностным положением, традициями, стремлением в верхи прочно привязана к казачьей аристократии. Вместе с тем имущественное состояние Каргина таково, что к «знати» он причислен быть не может. С кем же ему идти? Еще в «Даурии», проделав далекий путь, Елисей с семьей переправляется в Маньчжурию. Здесь он претерпевает новые испытания, сомнения. Судьба отщепенца становится поистине трагичной. Бедность, горький хлеб чужбины, постоянные сомнения в том, где же правда, тоска по отчужденному краю усиливают в душе Каргина бурю сомнений и приводят к решению возвратиться на Родину. Свою вину перед народом Елисей искупает подвигом.

Характер Каргина разработан филигранно. Особенно обращает на себя внимание психологический рисунок, раскрытие души героя, хотя кое-где писатель и допускает излишнее психологизирование, «пережим». Например, чрезмерно подчеркиваются мотивы неверия к Каргину со стороны партизан.

ИЗОБРАЖЕНИЕ в «Отчем крае» действительности, характеров и обстоятельств проникнуто верой и справедливостью народного дела и в его победу. Краски романа в большинстве своем яркие, сочные, от него веет силой, героизмом тех незабываемых лет, с которыми связано рождение новой России. Вместе с «Даурией» «Отчий край» дает широкую эпическую картину жизни забайкальского казачества, картину движения жизни от старого, капиталистического уклада к новой, социалистической эпохе.

Исторический роман, показывающий большие общественно значимые преобразования, движение масс, не может не содержать в себе элементы хроник, ибо невозможно бывает показать широко все этапы народной борьбы, даже наиболее значительные факты ее проявления, в «липах», органически связать их с судь-

бой главного или главных героев. Элементы хроник есть и в «Отчем крае». Посредством ее писатель вводит, в частности, в действие таких замечательных участников революционной борьбы в Забайкалье, как Баяхер — главнокомандующий войсками Дальневосточной республики, Постышев — член реввоенсовета, показывая народного героя Монголии Суух-Батора. Плохо лишь то, что хроника подчас превращается в скороговорку, за которой нет ничего, кроме простого информационного сообщения. Очень легко говорится, например, о гибели Лао и Журавлева, о бое, решившем бесславно участь белогвардейского барона Угреня, и о некоторых других событиях.

Говоря об «Отчем крае», я прибегал лишь к некоторым параллелям с «Даурией». Вполне правомерно сопоставить эти два романа писателя в более широком плане.

Над «Даурией» Константин Седых работал около четырехдцати лет. Весь запас жизненных наблюдений, всю свежесть эмоций, которые накапливались с детства, все раздумья над героическим прошлым родного народа он щедро отдал своим первым героям. И если бы даже «Отчий край» оказался значительно ниже своего предшественника, это не значило бы, что автора постигла художественная неудача.

«Отчий край» — произведение художника, умеющего видеть и своеобразную красоту труднодоступных человеку чащоб забайкальской тайги, и очаровательную прелесть лесных распадков, особенно в дни полного весеннего цветения, и бескрайнюю ширь степи, замыкаемой далеким грядой сопкок... А самое главное — умеющего видеть душу людскую. Видеть и передать в слове.

И все-таки «Отчий край» в ряде сторон — и существенных — уступает «Даурию».

Пейзажи в «Даурии» более сочные, лирический текст более насыщенный, широта изображения событий чаще сочетается с обстоятельностью показа характера. Как будто автор «Отчего края» до этого уже слишком выгорел и, может быть, не без оснований опасается повториться. Изображение народной борьбы в новом романе сведено преимущественно к боевым действиям партизан, тогда как в «Даурии» ее образы были так же выступления рабочих, восстания крестьян, бунты семоносских солдат и переход их на сторону красных. А масштабность событий для эпопей, как известно, — дело первостепенной важности.

РАЗГОВОР В ВЕКАХ

Не только мы, художники, поэты И музыканты, с отдаленных пор, Оставив песни, фрески и сонеты, Ведем в веках друг с другом разговор.

Но и гоним, теплом печей согретый, Обжегший глину греческих амфор, И смуглый перс, газелями воспетый, Векам на зависть вытканный ковер.

И сталевар, из тыщелетней дали Принесший нам клинок дамасской стали, Что и поныне гибок и остер, Беседуют с героем Златоуста: Их труд есть тоже поиск и отбор, И вечное искусство!

Вспомните, как Баяхер — главнокомандующий войсками Дальневосточной республики, Постышев — член реввоенсовета, показывая народного героя Монголии Суух-Батора. Плохо лишь то, что хроника подчас превращается в скороговорку, за которой нет ничего, кроме простого информационного сообщения. Очень легко говорится, например, о гибели Лао и Журавлева, о бое, решившем бесславно участь белогвардейского барона Угреня, и о некоторых других событиях.

Говоря об «Отчем крае», я прибегал лишь к некоторым параллелям с «Даурией». Вполне правомерно сопоставить эти два романа писателя в более широком плане.

Над «Даурией» Константин Седых работал около четырехдцати лет. Весь запас жизненных наблюдений, всю свежесть эмоций, которые накапливались с детства, все раздумья над героическим прошлым родного народа он щедро отдал своим первым героям. И если бы даже «Отчий край» оказался значительно ниже своего предшественника, это не значило бы, что автора постигла художественная неудача.

И все-таки «Отчий край» в ряде сторон — и существенных — уступает «Даурию».

Пейзажи в «Даурии» более сочные, лирический текст более насыщенный, широта изображения событий чаще сочетается с обстоятельностью показа характера. Как будто автор «Отчего края» до этого уже слишком выгорел и, может быть, не без оснований опасается повториться. Изображение народной борьбы в новом романе сведено преимущественно к боевым действиям партизан, тогда как в «Даурии» ее образы были так же выступления рабочих, восстания крестьян, бунты семоносских солдат и переход их на сторону красных. А масштабность событий для эпопей, как известно, — дело первостепенной важности.

И сталевар, из тыщелетней дали Принесший нам клинок дамасской стали, Что и поныне гибок и остер, Беседуют с героем Златоуста: Их труд есть тоже поиск и отбор, И вечное искусство!

Вспомните, как Баяхер — главнокомандующий войсками Дальневосточной республики, Постышев — член реввоенсовета, показывая народного героя Монголии Суух-Батора. Плохо лишь то, что хроника подчас превращается в скороговорку, за которой нет ничего, кроме простого информационного сообщения. Очень легко говорится, например, о гибели Лао и Журавлева, о бое, решившем бесславно участь белогвардейского барона Угреня, и о некоторых других событиях.

Говоря об «Отчем крае», я прибегал лишь к некоторым параллелям с «Даурией». Вполне правомерно сопоставить эти два романа писателя в более широком плане.

Над «Даурией» Константин Седых работал около четырехдцати лет. Весь запас жизненных наблюдений, всю свежесть эмоций, которые накапливались с детства, все раздумья над героическим прошлым родного народа он щедро отдал своим первым героям. И если бы даже «Отчий край» оказался значительно ниже своего предшественника, это не значило бы, что автора постигла художественная неудача.

И все-таки «Отчий край» в ряде сторон — и существенных — уступает «Даурию».

Пейзажи в «Даурии» более сочные, лирический текст более насыщенный, широта изображения событий чаще сочетается с обстоятельностью показа характера. Как будто автор «Отчего края» до этого уже слишком выгорел и, может быть, не без оснований опасается повториться. Изображение народной борьбы в новом романе сведено преимущественно к боевым действиям партизан, тогда как в «Даурии» ее образы были так же выступления рабочих, восстания крестьян, бунты семоносских солдат и переход их на сторону красных. А масштабность событий для эпопей, как известно, — дело первостепенной важности.

И сталевар, из тыщелетней дали Принесший нам клинок дамасской стали, Что и поныне гибок и остер, Беседуют с героем Златоуста: Их труд есть тоже поиск и отбор, И вечное искусство!

Вспомните, как Баяхер — главнокомандующий войсками Дальневосточной республики, Постышев — член реввоенсовета, показывая народного героя Монголии Суух-Батора. Плохо лишь то, что хроника подчас превращается в скороговорку, за которой нет ничего, кроме простого информационного сообщения. Очень легко говорится, например, о гибели Лао и Журавлева, о бое, решившем бесславно участь белогвардейского барона Угреня, и о некоторых других событиях.

Говоря об «Отчем крае», я прибегал лишь к некоторым параллелям с «Даурией». Вполне правомерно сопоставить эти два романа писателя в более широком плане.

Над «Даурией» Константин Седых работал около четырехдцати лет. Весь запас жизненных наблюдений, всю свежесть эмоций, которые накапливались с детства, все раздумья над героическим прошлым родного народа он щедро отдал своим первым героям. И если бы даже «Отчий край» оказался значительно ниже своего предшественника, это не значило бы, что автора постигла художественная неудача.

И все-таки «Отчий край» в ряде сторон — и существенных — уступает «Даурию».

Пейзажи в «Даурии» более сочные, лирический текст более насыщенный, широта изображения событий чаще сочетается с обстоятельностью показа характера. Как будто автор «Отчего края» до этого уже слишком выгорел и, может быть, не без оснований опасается повториться. Изображение народной борьбы в новом романе сведено преимущественно к боевым действиям партизан, тогда как в «Даурии» ее образы были так же выступления рабочих, восстания крестьян, бунты семоносских солдат и переход их на сторону красных. А масштабность событий для эпопей, как известно, — дело первостепенной важности.

И сталевар, из тыщелетней дали Принесший нам клинок дамасской стали, Что и поныне гибок и остер, Беседуют с героем Златоуста: Их труд есть тоже поиск и отбор, И вечное искусство!

Вспомните, как Баяхер — главнокомандующий войсками Дальневосточной республики, Постышев — член реввоенсовета, показывая народного героя Монголии Суух-Батора. Плохо лишь то, что хроника подчас превращается в скороговорку, за которой нет ничего, кроме простого информационного сообщения. Очень легко говорится, например, о гибели Лао и Журавлева, о бое, решившем бесславно участь белогвардейского барона Угреня, и о некоторых других событиях.

Говоря об «Отчем крае», я прибегал лишь к некоторым параллелям с «Даурией». Вполне правомерно сопоставить эти два романа писателя в более широком плане.

Над «Даурией» Константин Седых работал около четырехдцати лет. Весь запас жизненных наблюдений, всю свежесть эмоций, которые накапливались с детства, все раздумья над героическим прошлым родного народа он щедро отдал своим первым героям. И если бы даже «Отчий край» оказался значительно ниже своего предшественника, это не значило бы, что автора постигла художественная неудача.

И все-таки «Отчий край» в ряде сторон — и существенных — уступает «Даурию».

Это в интересах мира

РЕАЛИСТИЧНОСТЬ, стремление как можно быстрее устранить все препятствия на пути ослабления международной напряженности и укрепления мира — такова одна из важнейших черт советской внешней политики. Она ярко выражена в новой советской мирной инициативе: проекте Мирного договора с Германией, направленном Советским правительством правительствам США, Англии, Франции, Польши, Чехословакии и других государств, а также правительствам Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии. Советский Союз в своих нотах этим государствам предлагает созвать в двухмесячный срок в Варшаве или Праге мирную конференцию для рассмотрения данного вопроса.

В центре Европы возникла угроза возрождения германского милитаризма на территории ФРГ, в Западном Берлине создан опорный пункт НАТО. До сих пор не заключен Мирный договор с Германией. Можно ли в этих условиях быть спокойными за мир и безопасность в Европе?

Советские предложения о заключении Мирного договора призваны обезопасить европейские народы от угрозы войны. Они исходят из учета реально сложившейся обстановки, из необходимости сближения между ГДР и ФРГ, преодоления глубоких разногласий, которые препятствуют их объединению.

Советское правительство, как всегда, руководствуется глубоко гуманными побуждениями. Полное равноправие для немцев с другими народами, уважение интересов немецкого народа, никакой мести и злобы! И если в проекте Мирного договора существуют какие-либо ограничения для обеих германских государств, то они касаются лишь не допустимости превращения территории Германии в очаг агрессии. Германия не должна быть позволено производство ядерного и ракетного оружия, должно быть запрещено оснащение этим оружием германских вооруженных сил; она не должна участвовать в военных группировках, угрожающих миру и спокойствию народов. Разве это не правильно и не справедливо?

Первые отклики из-за рубежа говорят об огромном интересе к советской мирной инициативе. Английские газеты различных политических направлений подчеркивают, что Советский Союз искренне озабочен ослаблением международной напряженности в Европе. «Санди экспресс» напоминает в связи с советскими предложениями английскому премьеру, что германская проблема волнует весь английский народ. «Не забывайте об общественном мнении. Не пренебрегайте им. Общественность хочет мира», — пишет газета. Норвежская газета «Социал демократен» отмечает, что, если не будут приняты срочные меры, в центре Европы образуется зона, в которой будет происходить гонка атомного вооружения, и вместо возможного смягчения напряженности произойдет еще большее ее обострение.

Итальянская газета «Паззена» пишет, что речь идет о новой советской инициативе, способствующей сохранению мира. Швейцарская газета «Ла Сюсс» пишет, что Советский Союз предпринял новую попытку «положить начало переговорам с Западом». В Англии и Западной Германии во всяком случае часть общественного мнения склоняется к переговорам с СССР, и если идея совещания на высшем уровне, выдвинутая Москвой в 1957 году, осталась без последствий, то новое предложение СССР о переговорах в Праге или в Варшаве не может не вдохновить сторонников переговоров между Востоком и Западом по вопросу о Германии.

Население Германской Демократической Республики горячо одобрило проект Мирного договора с Германией. Потоки телеграмм и писем поступают в эти дни в посольство СССР в Берлине со всех концов страны: миллионы немцев называют советский проект «Договором мира и дружбы». Газета «Нейес Дейчланд» говорит о том, что открываются светлые перспективы для будущего Германии.

В Бонне, однако, не склонны прислушиваться к голосу немецкого народа. Западгерманские политические деятели торопятся выразить свое отрицательное отношение к советским предложениям. Статс-секретарь боннского министерства по общегерманским вопросам Тедек выступил по радио с грубо клеветническими обвинениями по адресу ГДР. Потеряв всякое представление о реальности, он отрицал суверенные права Германской Демократической Республики и пытался назвать население восточной части страны элементом «единого и неделимого государственного народа ФРГ». Помимо справедливой старой поговорки, что когда боги хотят наказать кого-либо, они отнимают у него разум!

В Бонне и Вашингтоне можно услышать в эти дни старые фальшивые песни о том, что надо сначала провести «свободные общегерманские выборы» и воссоединить Германию, а затем уже говорить о Мирном договоре. Сторонники этой точки зрения не случайно умалчивают о том, что такого рода «воссоединение» означало бы распространение режима милитаризации на всю Германию. Они не упоминают и о том, что «свобода» общегерманских выборов исключается при сохранении оккупационного режима. Все эти ухищрения направлены к тому, чтобы отложить справедливое разрешение германской проблемы.

Такая политика в корне противоречит интересам европейских народов. Настало время отказаться от тактики оттяжек и проволочек и принять меры, которые обеспечили бы мир человечеству.

Эти снимки, заимствованные нами из газеты «Дейли геральд», рассказывают об одном из эпизодов борьбы английских сторонников мира.

«Где мама?» — спрашивает Питер и Сюзан у своего отца, сотрудника фирмы, связанной с атомными электростанциями. Дэвид Слейтер (справа) — снимком слева). «Отправлена в тюрьму», — отвечает газета.

Слейтеры — ветераны борьбы за мир. Всякой семьей они участвовали в эмансипации «походе за мир» из Лондона в Олдермани, научном центре атомного оружия. Накануне рождества Милдред Слейтер в числе других демонстрантов, вновь пикетировавших строительный завод ракетного в Суффолке, графство Норфолк, была схвачена полицией.

О. ПРУДКОВ

НИЧЕГО НОВОГО

7 ЯНВАРЯ открылась сессия восьмидесятого созыва конгресса США. Спустя два дня президент Эйзенхауэр выступил на объединенном заседании обеих палат с традиционным ежегодным посланием «о положении страны». Анализируя итоги года, многие вашингтонские обозреватели предсказывали, что в 1959 году произойдут «перемены» и США пойдут на «обезоруженный, но мирный пересмотр» своей политики. Послание президента не отвечает этим оптимистическим прогнозам. Но справедливому замечанию английской «Таймс», в послании нет почти ничего нового. Газета подчеркивает, что через 100 лет это послание, конечно, не даст читателю представления о заботах, которые фактически поглощают внимание президента Эйзенхауэра.

Какие же «заботы» имеет в виду «Таймс», и почему, действительно, они не нашли отражения в президентском послании?

В ПРОШЛОМ году лишь несколько десятков человек собралось в саян-францисском кафе «Голубый интеллигент», чтобы послушать сатирические произведения Морта-Сола на темы американской действительности. В канун 1959 года десятки тысяч американцев отошли за пластинкой с импровизацией Сола «Будущее — перед нами». Эта пластинка, в которой Сол издевается над военной истерией, над ханжеством, над косностью политиков, стала лучшим новогодним подарком.

Деталь? Да. Но в внешней жизни Америки подобных деталей можно отыскать великое множество. И все они отражают то главное, что совершается в стране, — сдвиг, перелом в настроениях общественного мнения, изменения, которые затрагивают самые различные слои населения. Существо этого процесса достаточно ясно выражено в новогодней анкете, распространенной агентством Ассошиэтед Пресс. На вопрос о том, что вы больше всего хотели бы для вашего государства в наступающем 1959 году, свыше пятидесяти пяти процентов опрошенных ответило всего лишь одним словом — «мир».

Американцы хотят мира, а между тем в течение всего года упорно проводилась политика «балансирования на грани войны». Итоги этой политики подвела американская газета «Стар», которая писала: в целом можно сказать, что «политической точки зрения, Запад оказался в гораздо худшем положении, чем то, в котором он был год назад».

Весьма острыми были некоторые проблемы внутренней жизни, и прежде всего — экономический спад и рекордная за последние два десятка лет безработица. И хотя в настоящее время наступило некоторое улучшение, хотя газеты рисуют радужные перспективы «экономического процветания», чувство неуверенности не исчезает, тем более что в официальных бодрых заявлениях слышатся явственные пессимистические ноты. Так, например, министр труда США Мэтчелл, говоря об «оживлении» экономики, предсказал сохранение «значительных островков безработицы».

Все это происходило на фоне триумфальных успехов Советского Союза, социалистического лагеря, в дни советских спутников. Американцы имели возможность сравнить, они на собственном опыте убеждались в пользе бесперспективности, несостоятельности политики «с позиции силы», они убеждались в прочности социалистического строя. Несмотря на враждебную пропаганду, они постоянно наблюдали мирную инициативу Советского Союза, конструктивный характер советской политики.

К сожалению, ответ на любую мирную инициативу был в США неизменно отрицательным. В обстановке больших решающих перемен в мире, серьезных сдвигов внутри страны правящие круги США продолжают полагаться старым богам. Но американцы считали, что боготворить И на ноябрьских выборах в конгресс правящая республиканская партия потеряла поражение.

И ТАК, провалы внешней политики, внутренние неудачи — вот «заботы», которые определяют жизнь США в течение года. Теперь они стоят в повестке дня сессии нового конгресса. Казаюсь бы, именно это должно найти отражение в ежегодном президентском послании. Но увы! Не надо ждать 100 лет, как предлагает «Таймс». Уже сегодня читатель может убедиться: в послании — почти ничего нового.

Президентское послание как бы распадается на две неравные части. Его главный и основной раздел посвящен проблеме наращивания «военной мощи» Соединенных Штатов. Здесь немало трафаретных фраз, которые повторяются из года в год. Президент говорил о США, как «признанном руководителе свободного мира», о «мировом вызове», брошенном «диктаторами», о «твердой политике», поддерживаемой «вооруженными силами», обладающими «значительной мощью и гибкостью», и т. д. На прямые военные расходы, и в первую очередь на ракетное и ядерное оружие, выделяется свыше сорока миллиардов долларов, что составляет 60 процентов бюджета. Примерно то же было в прошлом году (превышение на 100 миллионов долларов), и примерно то же президент обещает и в последующие годы...

Как же предполагается расходовать «составные правительственные ресурсы»? Здесь, тоже как и всегда, имеются заверения о том, что средства будут выделены на программу здравоохранения, на развитие науки, на благоустройство городов и т. д. «Мы должны принять мировой вызов и в то же время не допустить никакого застоя в Америке», — говорит президент. Но как это сделать? На этот вопрос в послании нет ответа. Эйзенхауэр говорит о «высоких целях», о «долгосрочных руководящих принципах», об «объединительных задачах», но, оказывается, еще надо «определить эти задачи, а затем уже уяснить, что мы должны сделать для их осуществления».

Эйзенхауэр ясно подтвердил намерение продолжать тратить миллиарды долларов на гонку вооружений. Другой же раздел его послания — расплывчатый и неопределенный. Американцу, в дверь дома которого стучат безработица (следствие спада) и инфляция (следствие раздутых военных расходов), предлагается «изучать» эти вопросы. Ему предлагается удовлетвориться туманными обещаниями бороться с «опасностью инфляции» и заверениями, что «спад уходит в прошлое».

Печать, сообщая о первой реакции в конгрессе на послание, отмечает, что оно встречено «равнодушно». Член сенатской комиссии по иностранным делам Айкен сетовал на то, что высказывания президента не дают всего необходимого, чтобы вдохнуть новую жизнь в старую политику. Народ требует предложений, чтобы разрешить проблемы, а не «просто признания проблем».

АНГЛИЙСКАЯ газета «Дейли телеграф» отменила, что послание Эйзенхауэра содержит мало фактов и наблюдает мирную инициативу Советского Союза, конструктивный характер советской политики.

С сожалением, ответ на любую мирную инициативу был в США неизменно отрицательным. В обстановке больших решающих перемен в мире, серьезных сдвигов внутри страны правящие круги США продолжают полагаться старым богам. Но американцы считали, что боготворить И на ноябрьских выборах в конгресс правящая республиканская партия потеряла поражение.

Первое замечание газеты вполне справедливо. «Заботы» простого американца, сдвиги в его настроении, то новое, что намечается в жизни Америки, мало отразилось на содержании послания, на характере рекомендаций президента. Как же обстоит дело с «динамизмом» конгресса?

Несомненно, реакционная двупартийная коалиция принесла значительный урон на выборах. Провалились такие огульные сторонники «холодной войны», как Ноулз и Джингер. Избраны некоторые новые люди, выступавшие за изменение внутренней и внешней политики, усиление так называемого «либерального крыла конгресса. На любое решение той или иной группировки будут влиять также различные соображения, связанные с предстоящими в будущем году президентскими выборами, тем более, что такие лидеры демократов, как сенатор Кеннеди или сенатор Уолфри, мечтают о своем выдвижении кандидатом на пост президента. Однако все это существенно не меняет реального соотношения сил в конгрессе. Реакционное крыло, или, как его называют американская пресса, «консерваторы», удерживает ключевые посты в своих руках. Об этом свидетельствуют, в частности, выборы в руководящие органы конгресса. На пост лидера республиканского меньшинства в сенате вместо Ноулза избран Дирксен, а вместо Мартина в палате представителей — Хэллек. Оба известны своими консервативными взглядами, и их «послужный список» мало чем отличается от «послужного списка» Ноулза и Мартина. Что же касается лидера большинства Диндона Джонсона, который сохраняет пост лидера демократического большинства, то ему миллиарды ассигнованные на прямые военные расходы, кажутся недостаточными...

В прошлом году сессия конгресса открылась со словом «больше» — средств на вооружение, средств на «помощь» и тому подобные мероприятия. Может быть, весь «динамизм» демократов снова сведется к тому же слову «больше»? Тогда и конгресс неизбежно окажется в «печальном расхождении с настроениями страны».

МЫ ЕЩЕ ощущаем холодный ветер, сказал А. И. Микоян, выступая в Детройте, но это осенний ветер. Все устало от «холодной войны» и хотят мира. Однако в человеческих отношениях зима не сменяется весной автоматически, как это происходит в природе. Для такой перемены требуются серьезные усилия...

В президентском послании утверждается, что США добиваются «справедливого мира» для всех. В одном из своих недавних выступлений вице-президент Никсон подчеркнул, что «самое важное — это вести переговоры с нашими потенциальными противниками, в частности с Советским Союзом, там, где есть разумный шанс на успех». Чтобы добиться «справедливого мира», «успеха в переговорах», нужны действительно серьезные усилия, необходима реалистическая оценка изменений, происходящих в мире, реалистическая оценка политики и намерений «потенциальных противников» и, наконец, реалистический подход к тем сдвигам, которые происходят в сознании американского народа. Лишь тогда произойдут «перемены» в американской политике, лишь тогда зима «холодной войны» сменится весной мирного соревнования.

Партизанское знамя Вьетнама

В ПРЕДВЕРИИ вековых джунглей, в бамбуковой хижине, крытой рисовой соломой, у очага, именуемого бжом, в доме крестьянина Нон Ван Вина из национально-освободительной войны вьетнамского народа Хоан Вана. Ему всего тридцать шесть лет. В этом возрасте седина обычно не пробивается в седых волосах вьетнамцев, но у Хоан Вана серебрится голова.

Хозяин хижины курит у очага и, вслушиваясь в спокойный голос рассказчицы, удивительно знает голубой. На нем французский трофейный френч, нагрудно застегнутый на медные пуговицы, и мокасины из буйволовой кожи.

Иногда Нон Ван уточняет рассказ бывшего полтоработника, подкачивая Хоан Вану подлистершие в памяти детали событий. Двадцатилетняя дочка хозяйки разливает чай в маленькие чашечки, и мы прихлебываем горячий, изумительно ароматный напиток. Голоса джунглей слышатся в хижине. Особенно явствен то хохочущий, то плачущий голос какой-то птицы. Оказывается, это кричит ястреб «джанглей» — гроза не только домашних кур, но и диких птиц.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

когда-то было сплошным пожарищем. Но после победы люди вернулись на рисовые поля, построили из бамбука новые дома на сваях, и там, где всего несколько лет назад были мертвые пепелища, возродилась жизнь. Улыбки прояснили лица людей, зазвучали песни и смех. Создались новые семьи. Юноши и старши, девушки и женщины переступили пороги школ, в домах появились книги.

И если раньше вьетнамский писатель знал, что круг его читателей очень ограничен, — это были преимущественно жители городов, интеллигенты, — то теперь людей, жаждо поглощающих книги, стало в десятки раз больше. Да и сами писатели не проходят сегодня мимо событий, которые волнуют народ. У новой вьетнамской литературы еще много идейных противников, пытающихся увести ее в сторону от главной магистрали развития, но молодая, стойкая поросль вьетнамской прозы и поэзии крепнет день ото дня, год от года, кустится, расцветает яркими цветами. Абстрактные произведения не в моде во Вьетнаме. Народ не принимает формалистических выкрутасов, символизма, декадентских побрякушек. Он страдал, сражался, он раз и навсегда изгнал со своей земли ино-

земных захватчиков. И он вправе требовать книг о себе.

Вот почему среди почитаемых народом произведений встречаем мы книги То Хоан. Он родился в деревне, в семье ткача, и начал писать в 1941 году, когда ему шел двадцать первый год. Первую свою книгу «Приключенческая» он написал для детей. Затем внимательно писателя привлекла хорошо известная ему жизнь кустарей, талантливых народных умельцев, которых нещадно эксплуатировали колонизаторы. Так родились повести «Чужая родина», «Крысиное гнездо», «Бедная семья». Их названия говорят сами за себя.

Французская цензура запрещает книгу То Хоан «Раннее утро на лотосовом озере», а в 1943 году двадцатитрехлетний писатель попадает в тюрьму за участие в работе патристического общества «За спасение родины». По выходе из тюрьмы его бойкотируют издатели, затем, в 1944 году, новый арест, на этот раз японскими оккупантами. То Хоан бежит из тюрьмы и, вступив в Коммунистическую партию, оружием и пером участвует в борьбе за освобождение родины.

«Повесть о северо-западном Вьетнаме», написанная То Хоаеом уже после победы и выпущенная недавно на русском языке Издательством иностранных literatury, — это правдивая книга о жизни народа, его борьбе против французских колонизаторов, о том,

как в его сознании постепенно креп боевой дух Сопротивления. И, читая эту книгу, я невольно вспоминал свою встречу с вьетнамскими друзьями в хижине Нон Ван Вина. Это о них, о людях, рассказавших нам о днях минувших, поведует писатель в своем произведении.

Герои повести — жители деревни Мыонг Зон, где развертываются трагические события. Нет, не может спокойно и уверенно идти жизнь, если по вьетнамской земле ходят захватчики. И не могут найти своего счастья любящие друг друга молодой крестьянин Ша и дочь старого Монга женщина Мат. Освобожденный район занимает солдатский экспедиционный корпус. Они восстаивают старые порядки, назначая волостных старши и деревенских старост, вводят непосильные налоги, насилуют женщин. Для жителей Мыонг Зона наступают террые дни. Французцы снимают дома, пристреливают буйволов, уничтожают запасы риса, казнят непокорных. Под страхом смерти они принуждают крестьян переселиться из родных мест к французскому посту. Чем-то средневековым, чудовищно страшным вест со страниц повести, когда писатель говорит о нравах колонизаторов. И он не сгущает краски, в этом нет никакой необходимости.

Но неудержимо растут отряды вьетнамских партизан, всюду проникают организаторы Сопротивления, которых народ называет полтоработниками. В глухие деревни, стонущие от насилий и бедствий, несут они революционную правду. Крестьянин Ша — с партизанами, и во главе вооруженного отряда входит он на бой против колонизаторов.

Ничто не может остановить народных мстителей.

«Нужно освободить страну от французцов, и жизнь наша станет прекрасной», — говорит Ша. И эта задача сплачивает вьетнамских патриотов, объединяет разные народности, прожавающие во Вьетнаме. Мотив единой цели освобождения для всех национальностей, искусственно разобщаемых колонизаторами, проходит через всю повесть.

Сегодня, когда на наших глазах происходит великие события в пробудившейся Африке, особенно впечатлительно звучит каждое слово вьетнамского писателя. Книга То Хоан убеждает, что позорная система колониализма обречена. Французские империалисты, говорят писатель своей повестью, потерят поражение не потому, что их экспедиционный корпус был «армией бездельников», как писали раздосадованные американские наблюдатели. Куда более прав был генерал Кларк. Этот видный янки-генерал заявил после разгрома колонизаторов в Индо-Китае: «Враг всюду, он проникает сквозь стены, потопит, поглотит».

Действительно, для тех, кто идет поработать чужую землю, враг всюду. И об этом еще раз напомнила нам «Повесть о северо-западном Вьетнаме», написанная борцом-патриотом, нашим хоршим другом То Хоаеом.

ПРЕКРАСНАЯ ЯВЬ

Н ЕТ в Китае ни одной печатной или рукописной газеты, которая бы в последние дни на добрую половину не была заполнена материалами о полете советской космической ракеты. То же самое происходит и в эфире, на театральных сценах городов и деревень, а то и прямо на улицах. О новой Красной планете рассказывают поэты, ей посвящены выступления народных уличных актеров и прославленных мастеров китайского профессионального искусства.

В гостинице «Пекин» на одном из приемов мы встретились с писателем Лао Шэ. Почтенный писатель молодого устремился навстречу, громко восклицая:

— Поздравляю, от всего сердца поздравляю! Вчера ночью радио принесло весть о Красной ракете, и вот до сих пор не могу успокоиться от радости. Тотчас же захотелось как-то выразить свои чувства и мысли. Но, знаете, проза показалась мне слишком тяжелой и медлительной, ведь ракета — это же самая высокая и истинная поэзия, это влетел человеческого гения за пределы земного поэтического воображения. И вот я, законченный прозаик, написал несколько стихотворений. Стихи сейчас прямо-таки просятся из души.

Известно, какой глубокий след не только в духовной, но и в трудовой жизни китайского народа оставили советские «маленькие луны» — искусственные спутники Земли. Они стали для китайских тружеников символом всего самого новаторского, смелого, восторженного в строительстве социалистического Китая. Во всех областях творчества и производства, науки и искусства Китай ежедневно, ежечасно запускается тысячи больших и малых «спутников».

Вчера у нас еще шла речь о запуске спутников Земли. — продолжал взволнованно Лао Шэ, — а сегодня Красная ракета шавет перед нами, и, конечно, в первую очередь перед писателями, несравненно более высокие творческие задачи и требования. Теперь мы должны стремиться к запуску в нашей творческой работе спутников Солнца!

...На днях мне посчастливилось быть на одном чрезвычайно интересном и своеобразном собеседовании, ярко продемонстрировавшем слияние поэтического вдохновения и точного мышления, поэзии и науки.

В конференц-зале правления Общества китайско-советской дружбы собрались представители всех слоев пекинского общества, передовые люди Китая.

Это была по-китайски эпическая плавная, но вместе с тем внутренне взволнованная беседа, протекавшая главным образом на языке поэзии или близкой к ней ритмической образной прозы. В то же время это был очень деловой научный разговор, исполненный большого общественно-политического, философского смысла.

Быть может, в некоторой степени поэтический тон этой встрече был задан выступившим словом президента Академии наук Китая поэта Го Мо-жо и письменным посланием министра культуры Китайской Народной Республики писателя Мао Дуна.

Заместитель председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета и председатель Ассоциации промышленников и торговцев Чэнь Шу-тун певучим речитативом читал стихи, написанные в традиционном китайском стиле:

Сияющая межзвездная ракета пронеслась мимо луночного дворца.
Победа! Первая победа в покорении великого неба.
Чан Э и У Ган, вы в одиночестве и тоске.

Близок день вашего освобождения, близка ваша долгожданная встреча.
Скоро вы с нами вместе будете строить новый, коммунистический мир.

И наш старший друг, пропагандист

* Чан Э и У Ган — сказочные обитатели Луны.

ПРЕКРАСНАЯ ЯВЬ

лет в Китае ни одной печатной или рукописной газеты, которая бы в последние дни на добрую половину не была заполнена материалами о полете советской космической ракеты. То же самое происходит и в эфире, на театральных сценах городов и деревень, а то и прямо на улицах. О новой Красной планете рассказывают поэты, ей посвящены выступления народных уличных актеров и прославленных мастеров китайского профессионального искусства.

В гостинице «Пекин» на одном из приемов мы встретились с писателем Лао Шэ. Почтенный писатель молодого устремился навстречу, громко восклицая:

— Поздравляю, от всего сердца поздравляю! Вчера ночью радио принесло весть о Красной ракете, и вот до сих пор не могу успокоиться от радости. Тотчас же захотелось как-то выразить свои чувства и мысли. Но, знаете, проза показалась мне слишком тяжелой и медлительной, ведь ракета — это же самая высокая и истинная поэзия, это влетел человеческого гения за пределы земного поэтического воображения. И вот я, законченный прозаик, написал несколько стихотворений. Стихи сейчас прямо-таки просятся из души.

Известно, какой глубокий след не только в духовной, но и в трудовой жизни китайского народа оставили советские «маленькие луны» — искусственные спутники Земли. Они стали для китайских тружеников символом всего самого новаторского, смелого, восторженного в строительстве социалистического Китая. Во всех областях творчества и производства, науки и искусства Китай ежедневно, ежечасно запускается тысячи больших и малых «спутников».

Вчера у нас еще шла речь о запуске спутников Земли. — продолжал взволнованно Лао Шэ, — а сегодня Красная ракета шавет перед нами, и, конечно, в первую очередь перед писателями, несравненно более высокие творческие задачи и требования. Теперь мы должны стремиться к запуску в нашей творческой работе спутников Солнца!

...На днях мне посчастливилось быть на одном чрезвычайно интересном и своеобразном собеседовании, ярко продемонстрировавшем слияние поэтического вдохновения и точного мышления, поэзии и науки.

В конференц-зале правления Общества китайско-советской дружбы собрались представители всех слоев пекинского общества, передовые люди Китая.

Это была по-китайски эпическая плавная, но вместе с тем внутренне взволнованная беседа, протекавшая главным образом на языке поэзии или близкой к ней ритмической образной прозы. В то же время это был очень деловой научный разговор, исполненный большого общественно-политического, философского смысла.

Быть может, в некоторой степени поэтический тон этой встрече был задан выступившим словом президента Академии наук Китая поэта Го Мо-жо и письменным посланием министра культуры Китайской Народной Республики писателя Мао Дуна.

Заместитель председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета и председатель Ассоциации промышленников и торговцев Чэнь Шу-тун певучим речитативом читал стихи, написанные в традиционном китайском стиле:

Сияющая межзвездная ракета пронеслась мимо луночного дворца.
Победа! Первая победа в покорении великого неба.
Чан Э и У Ган, вы в одиночестве и тоске.

Близок день вашего освобождения, близка ваша долгожданная встреча.
Скоро вы с нами вместе будете строить новый, коммунистический мир.

И наш старший друг, пропагандист

* Чан Э и У Ган — сказочные обитатели Луны.

Взгляните на «Рождественскую витрину» — так называется страница объявлений в американском журнале «Туэйс ливинг». Здесь расхваливается миная игрушка — точная копия армянской гранаты. Брошенная рукой дитяти, она издает оглушительный звук, но наносит урона окружающим предметам. Фирма особо подчеркивает одно из главных достоинств гранаты — игрушка слышно гугает бывших солдат.

Думается, однако, что ветеранов гугает не игрушка, а размах, который приняло воспитание детей в милитаристском духе.

Иван Алексеевич Новиков

10 января 1959 года умер известный русский писатель Иван Алексеевич Новиков.

Мы низко склоняем головы перед светлой памятью человека кристальной душевной чистоты, создателя многих прекрасных произведений, и в первую очередь романа «Пушкин в изгнании», — одной из любимых книг советских читателей. Задуманный и выполненный как произведение о русском освободительном движении, о месте художника в судьбе народной, роман о великом русском национальном поэте принес И. А. Новикову заслуженную славу первоклассного исследователя и художника слова. Иван Алексеевич бесконечно любил человека, его мысли, его труд, его счастье.

С 1917 года И. А. Новиков вышел на широкую дорогу реалистического искус-

ства. Все, что он написал с тех пор, было порождением новой эпохи. «До революции романа о Пушкине я не написал», — говорит в одной из записей Новиков, — во всяком случае так не написал бы: революция наша художнику во многом открывает глаза». Это чувство истории побудило писателя сразу же после победы пролетарской революции стать деятельным участником многих общественных начинаний молодого Советского государства.

Неспорядочное общение с народом и любимой им среднерусской природой, тонким поэтом которой Иван Алексеевич был, продолжительные поездки по стране оказали благотворное воздействие на его писательскую биографию.

И. А. Новиков изучал прошлое, как истоки рождения революционной современности. Так родились три его повести о революции 1905 года, вышедшие под общим заглавием «Город, море, деревня», так возник и знаменитый его роман о Пушкине.

И. А. Новиков был писателем высокой требовательности к себе, своему мастерству, своему призванию. Все, что рождалось под его пером, в том числе и перевод «Слова о полку Игореве», было отмечено высказывательным вкусом, неподдельным вдохновением, знанием материала.

Заслуги И. А. Новикова перед советской литературой были отмечены высокими наградами: двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

Советские писатели, советские читатели никогда не забудут чудесного человека и крупного писателя — Ивана Алексеевича Новикова.

Правление Союза писателей СССР
Правление Союза писателей РСФСР
Правление Московского отделения
Союза писателей РСФСР

От коммисии по организации похорон И. А. Новикова

Гроб с телом писателя И. А. Новикова установлен в Центральном Доме литераторов (улица Воровского, дом № 50). Доступ для прощания с покойным с 12 часов дня 13 января. Гражданская панихида — в 14 часов. Похороны — в 15 часов на Новодевичьем кладбище.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЙН, Г. ГУЛИЯ, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛОХИН.